

Сначала море ушло; потом ушли люди, потому что болеть начали, да и еда вместе с морем исчезла; осталась одна только мёртвая степь, по которой бешеный ветер гнал жёсткий песок и жгучую соль.

С тех пор как люди ушли, корабль здесь и лежал, всё больше и больше заносимый песками. Только ящерицы прибежали в жару понежиться на тёплых, уже едва видимых палубных досках изветшавшего парусника, да чайки сидели изредка на реи единственной уцелевшей мачты.

1.

Человек появился внезапно. Первые звёзды ещё только зажигались, когда он вдруг вынырнул из безбрежных степных пространств. Высоченный, мосластый, какой-то весь взбудораженный, будто наэлектризованный, порыскал при полной луне по окрестности, выкурил самокрутку, устало спиной привалившись к борту, впихнулся, срамословя, в спальный мешок, повертелся юлой, будто блохи его донимали, и уснул наконец.

Назавтра поднялся чуть свет, вместе с птицами, подымил, глядя угрюмо сбоку на утлый, обречённый на смерть

от песков ковчег, и снова взялся мотаться между брошенным рыбацким посёлком и изувеченным временем и песками двухмачтовиком: таскал разный скарб, бурчал ерунду всякую, башкой крутил бешено и сквернословил. Набегавшись до упаду, устроился возле кормы, костерок разложил, похлебал наспех какое-то варево, скрутил здоровенную козью ножку и стал небо коптить и песни дурные орать. После опять в посёлок подался.

Ближе к вечеру прикатил на обшарпанном драндулете (как завёл — Аллах знает), привёз инструмент шанцевый, палатку линияющую, парусины прездоровенный кусок да ещё ерунду всякую, что вроде как могла бы понадобиться. Потом до утра вино хлебал из горла, самокрутки смолил и песни свои чудные горланил — неизвестно о чём; а перед светом уснул и проспал-прохрапел до полудня — аж живность вся поразбежалась на милую вокруг.

2.

Пёкло стояло невыносимое, дикое просто, но, кроме подозрительной забегаловки в полуподвале, ничего поблизости не наблюдалось, вот и зашёл. Когда жажда мучит, до формы кувшина нет дела.

Внутри пивнушки сброд местный, будто и не жарынь, под блатную музыку водку трескал, пивом полировал и какой-то дрянью закусывал; стакан воды спросить под косыми взглядами гопоты всякой гонор не позволял; спросил пиво, хоть то и выглядело... ну ладно. Взял щербатую кружку с шапкой пены высотой с поварской колпак, порыскал глазами, нашёл столик с папашей лысым в замызганном тельнике, уселся напротив и стал не спеша ледяную бурду цедить, в стенку глядячи.

— Шеф, а шеф, поставь пинту, — лысый мордатый дядька выразительно повозил по столу пустой кружкой. — Побазарим... Да не зырься, не зырься ты. Не лежала б моя скорлупа в песках, может, я б тебе сам поставил, не пожлобился бы.

— Во-во, до корабля в песках назюзюкался? У меня таких пуль, морячок, целый склад, мне без надобности.

— Взаправду в песках. Так на стапеле и остался, когда море ушло. Посейчас, видать, там, коли не изгнил. Рыбарей

тогда всех будто тайфун уволок, за буграми поприбивало. Я здесь вот ошвартовался.

— И чего, так больше к посудине своей и не ворочáлся?

— А на кой мне туда? Я ж не девку кинул. Хрен с ним. Нет там больше морских делов никаких, оттого и корыто старое теперь тоже без надобности...

3.

Он с какой-то дури решил, что бойко управится. Потому поначалу вламывал, как одержимый, без сна и без отдыха. Опомнился тогда только, когда руки стёр в кровь, спину сорвал и из сил выбился совершенно. Тогда в палатку залёг и валялся там пару-тройку деньков, как бревно; курил только да воду вонючую пил, даже есть не хотелось. Пока пролёживался, дошло, что нахрапом такую работу брать — дикий абсурд. От всяких своих фантазий бредовых очнулся и с этого времени стал работать нормально — монотонно и неумоимо, как и положено.

Сначала очистил весь трюм — от кормы и до носа, все доски гнилые сменил, все щели законопатил; после внутрь корабля всё своё барахло перенёс и сам туда перебрался. Теперь никакие ненастья достать бы его не сумели, да и уютней ночами, привычней — крыша над головой всё ж таки. Когда обустроился, стал корпус двухпарусника очищать, а песок отвозить подальше, в сторону моря, чтоб сразу снова не наносило. Так и работал без устали, пока не откопал оба борта до стапеля. За всё это время один раз только безнадёга в душу к нему закралась и верх взяла. Один раз только!

4.

Так-то он со «змием» не сильно дружбу водил, но в тот день, до вечера не дотерпев, надрался до зелёных чертей, на ночь даже в берлогу свою не залез — не осилил, завалился храпеть прямо так, возле борта, а под утро от холодрыги едва не подох. Только на том черта не подвелась, чернуха не отпустила. Собрал тогда он свои манатки и в путь обратный наладился. Далеко за сутки ушёл. Так далеко, что мачту не видать уже стало, и в голой степи пришлось заночевать. А утром глянул по сторонам, очнулся, матюгнулся, аж туча страхолюдная на горизонте образовалась, и назад повернул.

Назад летел так, будто кто скипидаром по пяткам мазнул. А под вечер, уже когда в трюме пластом валялся, налетел из степи чёрный смерч, выл, как полчище бесов, тряс утлый чёлн, да не вытряс — выстоял старый боец, песчаным щитом прикрытый, выдержал и его собою прикрыл. Не схорони корабль его в прочном своём нутре — сгинул бы, и костей не сыскали б. После даже и мысли не появлялось, чтоб бросить спасителя своего в проклятой степи. И с того дня упёрся он, как стадо волов, и всё рыл, рыл и рыл (за провиантом только и отлучался), пока не осилил до точки рытьё это чёртово.

5.

Рыдван вражий, что только не вытворял он с ним, зартачился и больше так и не завёлся. Потому бушприт, матерясь, из посёлка на себе приволок и, пролив тыщу потов, установил крепко-накрепко. Потом из парусины — на бушприт и последнюю мачту — два паруса выкроил и корабль оснастил, будто впрямь на нём в море выходить собирался.

Бушприт — это что! Вот когда он после всех этих дел бочку с краской катил по пескам!.. Все жилы бочка та вытянула, но доставил-таки! Потом долго ждал, когда выпадут штилевые дни, чтобы ветра ни малейшего не было, чтоб песок как мёртвый лежал. Вот в эти несколько дней, с утра до ночи чертоломая, он и выкрасил парусник, чтобы был белей пены морской, а потом огромными красными буквами написал на обоих бортах его новое имя: «ЖДУЩИЙ».

Всё! Свершилось!

6.

Он и шага ступить не успел, когда ветер снова стал выть, трепать, в клочья рвать паруса, швырять жгучую соль, гнать жёсткий песок, засыпать, заметать из песчаных лап вырванный «ЖДУЩИЙ». Но ему наплевать уже было. Он даже не обернулся. Знал: что бы ни было, снова откопает и выдраит. До полной, до абсолютной безукоризненности. А ветер... Что ветер? Теперь его час, его право! Пускай себе воеет, метёт и швыряет. Сколько влезет. Плевать. Он вернётся. Корабль обязан ждать воду, а не смерть, и быть всегда наготове. Остальное всё — ерунда.